

Холодная духота

Культура-1997-15 мая - с.5

Эльга ЛЫНДИНА

"Коготок увяз — всей птичке пропасть." Наверное, было бы проще всего так определить суть ленты "Я устал ненавидеть", снятой дебютантами в игровом кино, четкой эстонских кинематографистов Ренита и Ханнесом Линтропами.

И в самом деле — внешнее течение сюжета как будто легко укладывается в такую схему. Молодой парень из таллинского предместья в поисках денег на рождественский подарок для любимой, случайно оказывается убийцей молодой девушки. Брат погибшей решает отомстить... Позже судьба сводит обоих юношей в тюрьме, откуда они бегут. И, преследуемые, находят смерть в волнах разбушевавшегося моря. Кажется, оба героя вступают на черную тропу по недомыслию или, скорее, бессмыслию и далее оказываются в навороте страшных событий. Мораль, казалось бы, кристально прозрачна: соображайте, господа молодые, ведь так легко незаметно для себя преступить черту.

Все так и совсем не так, потому что сама жизнь ведет их к тому, чтобы черту преступить. В четкой сюжетной конструкции проступают нервные узлы современного бытия. Стимулом, мотивом, двигателем всех поступков оказывается ненависть. Ненависть — как единственная опора в попытке выжить и единственная возможность реализовать себя.

Опора мифическая и злоедающая, в итоге приводящая к полному духовному изнеможению, физическому концу, в том числе и для тех, кому бы еще жить и жить. Но если бы авторы остановились на этом драматическом свидетельстве ауры времени, их фильм не набрал бы той высоты, к которой они приходят в финале, поднимаясь к библейскому мотиву любви и прощения. К отказу от того, чтобы принять ненависть как данность в природе человека.

Ренита и Ханнес Линтропы бо-

лее десяти лет работали в документальном кино, снимали картины о молодежи, о заключенных и преступности, о жизни за решеткой и ужасах будничной жизни. В какой-то момент, видимо, им показалось недостаточной только фиксация подлинности, и они ушли в игровое кино, куда принесли свой опыт работы в документалистике начиная уже с изобразительного строя фильма.

В отличие от пастернаковской "горячей духоты" они сжимают город "духоты холодной". Прямые, безликие улицы, тоска серого асфальта, мрачная застывшая тишина повсюду. Жизнь протекает молча, глухо, в жутковатом стылом воздухе. В этой ауре выросли обыкновенные парни и девушки. Изначальная подавленность, растерянность накопили в них подсознательную тягу к насилию, которое сращено с ненавистью ко всему и всем. Вот почему не так и случаен поступок героя, отнимающего деньги на благородное как будто бы дело. Просто иначе он себе и не представлял достойного его способа существования. Герой фильма пуст, как город, как среда, в которой проводит свои дни. Эта зловещая пустота естественна для него, вместе с тем не растерявшего еще юношеской страсти и преданности.

Позже разреженный воздух и гнетущая тишина сменяются скученностью тюремной камеры, адом, где пресмыкаются растоптанные жертвы, где царит самый безжалостный деспот. Правда, герой старается как-то отгородиться (возможно, помогает мысль о любимой девушке), оберегая сокровенное. Но альтернатива ясна и оголена: уйти от стаи можно только ценой собственной жизни.

Тюремная экзотика уже давно прописалась в нашем кино, удивить ужасами, ударить по сердцу вроде бы больше нечем — все уже было. Линтропы за этот круг не выходят, но вместе с оператором Аго Руусом они показывают это как жизнь героя в чистилище. Зло подступает к нему всякую минуту, нагое, огромное стараясь поглотить и вобрать в свое чрево. Но парень сопротивляется, надеясь выскочить, уйти, унести себя.

Линтропов уже упрекают в обилии жестоких, кровавых эпизодов, что, на мой взгляд, не так справедливо. В отличие от создателей многих аналогичных лент они не смакуют кровавые схватки, хотя и подробны в таких эпизодах. Отчасти это дань времени, отчасти — необходимость. Сцены драк, убийства маленького друга героя, "опущения" непокорных все более и более отвращают главное действующее лицо от происходящего: они входят в его сознание, окрашенные желанием другой жизни...

А в это время на свободе действует своеобразный его двойник (мститель, брат погибшей), но пришедший к еще более страшным формам общения с миром. Мститель восполняет потери отчаянной вендеттой. И только Бог знает, чего больше в этой вендетте: желания отплатить виновнику гибели сестры или стремления таким образом создать для себя иллюзию полноты жизни. На роли противников режиссеры взяли двух непрофессионалов (кстати, прекрасно справившихся со своей задачей), странно похожих друг на друга. Парни сходятся, но не в дружеском сближении, а в ненависти, обуревающей одного из них в его желании поскорее покончить с ненавистным убийцей. Хотя месть уже свершилась — изуродована любимая девушка героя, причем навсегда.

А у героя больше нет сил на такую жизнь. Не трусость это, не отступничество, а усталость, постепенное прозрение, наивное, неосознанное стремление уйти от взрывов, катаклизмов, крови. Что-то в его душевном состоянии резонирует с опытом многих из нас, как бы прозревающих в попытке отгородить себя от жизни, где властвуют грязь, убийства, шумные и темные скандалы. Нынешняя отторженность России и Эстонии, отсутствие нормальных взаимоотношений на кинорынке — не по вине России, вряд ли позволят нашим зрителям увидеть эстонскую картину "Я устал ненавидеть". Ренита и Ханнес Линтропы стремятся все-таки отыскать дорогу из нашего общего котлована, не скрывая цены за путь наверх. Но так хочется верить в эту дорогу.